

личия групповой солидарности (групповая идентичность еще не означает наличия групповой солидарности); формирования группового опыта и групповой памяти, а также механизмов их сохранения и трансляции; наличия групповой свободы и групповой ответственности.

Состояние и уровень развития каждого из указанных выше групповых феноменов влияют на состояние общегруппового сознания, кроме того все они влияют друг на друга. Развитость или атрофированность каждого из этих элементов формирует специфическое качество группового сознания. Каждый элемент может меняться и играть разную роль в больших группах разных обществ, формируя разные состояния групповых интересов. Например, без существования групповой памяти и группового опыта вряд ли можно предположить наличие развитых групповых социальных интересов. Дело в том, что если каждое поколение будет опираться только на собственный опыт, оно не сможет проникнуть вглубь своих интересов, полноценно их понять. Поэтому, с точки зрения успешности общественного функционирования большой социальной группы, очень важно создать и развить механизм сохранения групповой памяти, накопления группового опыта, а также его трансляции для последующих поколений.

Однако по мере изменения образа жизни людей при переходе к современному постиндустриальному обществу меняются значения и значимость группового опыта. Социальный опыт поколений, принадлежащих к определенным группам, изменяется наиболее существенно. Во-первых, он в определенном смысле утрачивает свою ценность, поскольку при нынешней динамике общественных процессов воспроизводимость жизненных ситуаций, в которых бы опыт предшествующих возрастных когорт пригодился сегодня, катастрофически сокращается. Во-вторых, сам социальный опыт уже не имеет той психологической и эмоциональной насыщенности, не наполнен навыками, как раньше, поскольку “опыт” в данное время сводится, по сути, к разовому переживанию определенной ситуации только данным поколением, и она не становится типичной, применимой к последующим поколениям, а превращается в уникальную.

В связи с этими изменениями и само явление опыта меняется. Нельзя сказать, что социальный опыт совсем не сохраняется. Однако характер его сохранения не остается неизменным. В данное время опытом, передающимся последующим поколениям, можно называть не те модели поведения, которые находятся на поверхности социального бытия, а те смысловые паттерны, которые заложены в сущности модели данного поведения и не являются видимыми на поверхности как самостоятельные. К их глубинной повторяющейся сущности можно проникнуть только значительными познавательными усилиями.

Таким образом, развитие осознания своих интересов членами больших общественных групп в постиндустриальном обществе проходит совсем иначе, чем, скажем, в индустриальном обществе. А отсюда вытекают и другие выводы, а именно: что для проникновения в сущность групповых социальных интересов необходимо анализировать особенности современного бытования всех основных общегрупповых феноменов — групповой цели, групповых задач, групповой солидарности, групповой памяти, групповой свободы и т.п.

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Реализация социальных интересов: механизмы и формы

Социальный интерес можно рассматривать как направленность социально детерминированной и осознанной потребности социальных субъектов (личности или

группы) на достижение определенных благ или статусов путем взаимодействия с другими). Следовательно, развитие и реализация социального интереса определяются линиями поведения под влиянием конфигурации личностных (групповых) приоритетов и предполагают: возникновение общей потребности определенной совокупности людей в материальных или нематериальных благах (заинтересованность); осознание ими этой потребности (степень удовлетворенности); выбор оптимального способа достижения этих благ с позиций ценностей и социального положения людей; и наконец, сама реализация потребностей определенным образом, выражающимся в конкретном поведении.

Важной фазой развития социального интереса становится его практическое воплощение. Реализация социального интереса, а именно выбор оптимального способа достижения этих благ с позиций ценностей и социального положения субъекта и его реальное поведение наглядно показывают единство субъективных и объективных аспектов этого феномена. Способы воплощения собственного интереса и согласованность их с нормативной системой общества определяют проблемное поле социологии в целом. Ведь в случае полной тождественности этих способов и общественных норм возникла бы проблема инновации и общественного развития. Однако существование явления несопоставимости социальных интересов с институциональными требованиями не только дифференцирует социетальную общность на определенные социальные группы, но и отличает национальные общества друг от друга, создавая межкультурную дифференциацию.

В объяснении механизма реализации социальных интересов, как и в целом любого поведения, можно выделить применение двух основных подходов — культуралистского и рационального выбора. Сущность *теории рационального выбора* (Э. Дарунс, М. Олсон, Г. Беккер, Д. Коулмен) заключается в том, что социальная среда, социальная ситуация структурирует альтернативы, по которым индивид должен принять решение, как действовать. Согласно этой концепции, общественная организация общества представляет собой аналог его экономической организации. Здесь действует принцип “максимизации выгоды”, когда участие гражданина в какой-либо акции возможно лишь при условии, что возможная выгода превышает затраты.

Теория рационального выбора вызвала ряд вопросов. Во-первых, актор должен уметь рассматривать все возможные варианты поведения и их последствия. К тому же он не может быть уверен в том, что у него достаточно информации об альтернативах. Во-вторых, акторы должны оценить последствия и ранжировать альтернативы с точки зрения полезности. Кроме того, неясной остается проблема взаимодействия индивидов в реализации своих интересов. Реализация групповых интересов в этом случае является результатом индивидуальных решений относительно участия в коллективных действиях для удовлетворения собственных интересов. Очевидно, что воплощение групповых интересов зависит от одновременного желания акторов воплотить собственные интересы в пределах определенного времени. Поэтому возникает проблема коллективных действий в реализации социальных интересов.

Однако остается вопрос: какие механизмы задействованы в реализации интересов больших групп. В этом ключе интересны замечания, сформулированные Гордоном Таллоком в “дилемме мятежника”. Оставаясь пассивным по отношению к масштабным акциям, например, мятежам, революциям и т.п., индивид в любом случае не проигрывает, даже если будет симпатизировать этим акциям. В случае, когда последствия мятежа окажутся успешными, его пассивное поведение не будет иметь решающего значения, и он будет пользоваться плодами победы, как и все участники событий. Если мятеж потерпит поражение, его потери будут незначительны, поскольку он не испытает репрессий со стороны режима. С другой стороны, участие в мятеже может предполагать частную сверхприбыль, когда индивид получит должность в новом правительстве. Кроме того, опять же, участие в мятеже может предполагать “психологические” выгоды: ощущение солидарности или удовлетворения вследствие самопожертвования ради справедливости. Только в таком случае на основе ран-

жирования преимуществ индивид принимает участие в рискованной акции. Однако проблема потенциальных мятежников становится очевидной, если вспомнить классическую “дилемму узника”, когда кооперация акторов не срабатывает из-за отсутствия взаимного доверия. Поэтому принятие решения об участии в радикальных акциях возможно скорее при условии небольшого риска быть наказанным.

Социокультурный подход оперирует с определенной общественной моделью поведения людей. Культурный контекст здесь понимается как совокупность способов отстаивания и реализации интересов, в частности идеи, ценности, нормы. Социальность в этом контексте предполагает совокупность взаимоотношений социальных субъектов. Социокультурный подход акцентирует внимание на исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структурах, когда социальное поведение объясняется влиянием больших социальных групп. Акцент ставится прежде всего на важности социализации при формировании социальной идентификации и социальных предпочтений, на возможности реализовать свой интерес, опираясь на определенные базовые ценности. Особенно это касается реализации социальных интересов больших групп или общностей. Отсутствие в социуме ценностей кооперации, солидарности вряд ли будет способствовать отстаиванию неэгоистических интересов.

Реализация социального интереса может осуществиться, если субъект осознает цель интереса и вероятные последствия своего поведения, которое должно быть тогда осознанным, а не инстинктивным. К тому же адресаты, невольные свидетели и участники, оказавшиеся в процессе взаимодействия и реализации интереса, поймут суть этого действия. То есть артикуляция интереса не должна противоречить нормам и ценностям группы. Условием эффективности таких действий является знание субъектом этих правил и норм и хотя бы частичное соответствие между его “культурной компетенцией” и компетенцией “одноруппников”.

Поскольку ценностные ориентации формируются и трансформируются в течение всей жизни индивида, то выяснение особенностей изменения ценностных ориентаций является важным звеном объяснения осуществления реализации социальных интересов. Перспективна в этом ключе теория относительной депривации, предложенная Тедом Гаром в работе “Почему люди бунтуют”. Относительная депривация (от англ. deprivation — лишение, потеря) определяется как восприятие актором (деятелем) различия между ценностными экспектациями и ценностными возможностями. Ценностные ожидания, по мнению Гара, — это блага и условия жизни, на которые, по убеждению людей, они могут в полной мере претендовать. Тогда как ценностные возможности — это блага и условия, которые, по мнению людей, они могли бы получать и удерживать. К реальному действию, в частности к политическому насилию, часто приводит крах надежд. Существуют три паттерна нарушения равновесия в обществе: 1) *нисходящая депривация*, когда ценностные экспектации остаются относительно устойчивыми, а ценностные возможности воспринимаются как снижающиеся; 2) *направленная депривация*, когда возможности остаются относительно статичными, тогда как экспектации возрастают или интенсифицируются; 3) *прогрессивная депривация*, когда происходит значительный и одновременный рост экспектаций и снижение возможностей. Именно последний паттерн объясняет механизм революций. Таким образом, скорее всего ускорение реализации социальных интересов возможно в случае возрастания ценностных ожиданий по отношению к определенным благам при одновременном снижении субъективного осознания возможностей воплощения этих ожиданий. То есть пассивная нереализованность социальных интересов может существовать при условии осознания того, что существуют каналы, через которые можно воплотить в жизни собственные притязания. И только осознание того, что эти возможности утрачиваются или сужаются, толкает людей к реальным действиям.

Подводя итог анализа подходов к изучению механизмов и форм реализации социальных интересов, можно выделить важные деятельностные альтернативы спосо-

бов воплощения этих интересов. Как теория рационального выбора, так и социокультурный подход указывает на проблему реализации групповых интересов, поскольку кооперация акторов требует взаимного доверия и сотрудничества. Здесь на первый план выступает склонность индивида решать проблемы индивидуально или с привлечением других людей. Не менее важна и склонность индивида действовать либо публично, либо не афишируя этого. Поэтому здесь стоит вопрос выбора легальных, прозрачных способов осуществления или теневых, неконвенциональных путей реализации собственных интересов. И наконец, проблема ощущения риска, которое обязательно предшествует решению действовать или не действовать, играет едва ли не решающую роль в реализации социальных интересов. Таким образом, операционализацию способов воплощения социальных интересов можно проанализировать на основании дихотомий: индивидуализм–коллективизм; конвенционализм–неконвенционализм; склонность к риску–неприятие рискованных действий.

АНДРЕЙ ЗОТКИН,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Властные интересы: определение понятий

Социальные интересы целесообразно рассматривать в привязке к иерархии потребностей. Если социальные интересы вариационно понимать как порождения имеющихся потребностей, следует прежде всего выяснить степень их удовлетворения (по иерархии Маслоу) в обществе и в его отдельных группах. Дальнейшее исследование может быть связано с уточнением преимуществ тех или иных механизмов для удовлетворения этих потребностей. Собственно, направленность субъекта на выбор определенного варианта решения проблемы, выбор механизма использования доступных социальных ресурсов для достижения конечной цели и будет социальным интересом. В таком контексте определение понятия “социальный интерес” приобретает следующую конфигурацию: *направленность субъекта на конкретный вид (вариант) деятельности для реализации (удовлетворения) имеющихся потребностей и достижения конечной цели в пределах доступных социальных возможностей, исходя из своего положения в социальной структуре*. По сути, это стремление субъекта улучшить, изменить или, наоборот, сохранить условия своего существования, своего социального положения на основе доступных социальных ресурсов и капиталов, исходя из своего видения проблемы. Основой формирования интереса является положение социального субъекта в социальной структуре, что, соответственно, и определяет его доступ к социальным ресурсам и капиталам, используемым как механизмы, как средства достижения конкретной цели. Поскольку при таком понимании социальных интересов они воплощаются в выборе вариантов достижения цели через социальные механизмы с их возможностями, положение в социальной структуре будет определять и само видение социальным субъектом имеющейся проблемы и реальных механизмов ее решения.

При таких условиях подхода к понятию “социальный интерес” эмпирическое исследование будет включать не только определение уровня удовлетворения потребностей, существующих у разных социальных групп, но и сравнение имеющихся у них социальных возможностей для достижения цели и приоритетов в использовании тех или иных социальных ресурсов и капиталов.

Поскольку конечной целью данного исследования являются властные интересы, предлагаю очертить их место в объеме понятия “социальный интерес” в виде логических кругов: интерес — интерес социальный — интерес политический — властный интерес. Политические интересы как составляющая интересов социальных отражают политические механизмы удовлетворения имеющихся потребностей. Любая общест-